

В.Я. Гросул

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВСЕМИРНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Без обоснованной периодизации история как наука теряет одну из важнейших своих особенностей¹. При всей своей неизбежной условности, закономерной относительности периодизация исторического процесса влечет за собой необходимость вычленения наиболее характерных его периодов, хронологических отрезков, призванных отразить наиболее существенные этапы жизни человеческого общества. Периодизация невозможна без четко выделенных критериев и требует предельной объективности, построенной на той или иной методологии. Но обращение к всемирной историографии показывает, как на протяжении тысячелетий менялись исследовательские подходы, как одна периодизация сменяла другую, какие имелись различные зигзаги и повороты, как внедрялись спекулятивные подходы и как, вообще, текущая социально-политическая обстановка влияла на конкретные исторические труды и проводимые в них идеи, в том числе и композиционного характера. И тем не менее без периодизации всемирной истории, без периодизации национальной, региональной, родовой, семейной истории историческая наука существовать не может. Даже при большом желании, избежать встречи с проблемами периодизации не удастся ни одному историку, стремящемуся дать ответ на вопросы далекого или близкого прошлого. Необходимость убедительной периодизации диктуется, порой, произвольно, ибо она органически входит в систему принципа историзма – принципа особого научного мышления, предохраняющего исследователя от субъективизма, пожалуй, главного врага подлинно исторической науки. Более того, избежать проблем периодизации не могут и те историки, которые проповедуют концепции индетерминизма, случайности, хаотичного нагромождения исторического материала.

Геродот с его известными религиозно-этическими воззрениями, с его верой в решающую роль в человеческой жизни неумолимого рока попытался объять в своих изысканиях три с лишним предыдущих столетия. Геродот специально не вырабатывает своих хронологических подходов, но, скорее всего, произвольно-

но выделяет отдельные периоды истории как родной Греции, так и стран Востока, прежде всего Персии. В поле зрения Фукидида, находилась фактически, только Пелопонесская война, то есть его интересовал значительно меньший, чем Геродота период. Но Фукидид дает и периодизацию этой войны. Он, видевший главнейшую задачу историка в “отыскании истины”², в отличие от Геродота, особое внимание уделяет критической оценке источников, выявлению причин и поводов исторических событий, показу объективных факторов. Не отрицая существования божественных сил, он отвергает непосредственное вмешательство богов в исторические события. Являясь современниками, Геродот и Фукидид олицетворяли собой разные методологические подходы, хотя понятия не имели о методологии как таковой.

Особый разговор о Полибии, считавшем историю наставницей жизни и требовавшим от историка хорошего образования и большого личного опыта – государственного и военного. Полибий – автор первой всеобщей истории средиземноморской цивилизации, притом, что само понятие “цивилизация” ему еще неизвестно. В поле его зрения находятся III и II вв. до н.э., но конкретную фактуру он подает последовательно от одной олимпиады до другой. Параллельно он излагает свою концепцию о смене государственных форм, уделяя большое внимание выявлению причинно-следственных связей. Собственно от Полибия и идет понятие “всеобщая история”. Он же стал важнейшим связующим звеном между греческой и римской историографиями, хотя среди своеобразных посредников между ними были и такие крупнейшие сочинители как Плутарх, тоже грек по национальности. Плутарх смотрел на историю как на средство исправления нравов и в своих “Сравнительных жизнеописаниях” подчеркивал, что пишет не историю, а биографии³. Плутарх, как давно заметили исследователи, был глубоко проникнут религиозным чувством. Бог у него – начало всего доброго, материя же в его представлениях основа всего злого. Но, не ставя задачи писать историю, он ее постоянно отражал, делил на этапы, достаточно обратиться к жизнеописанию Фабия Максима, где подробно рассказывается о войне Рима с Карфагеном.

При всей зависимости римской исторической науки от греческой, нельзя не видеть ее определенного прогресса в самом Риме. Даже в письмах Плиния Младшего (отнюдь, не в историческом сочинении, но в прекрасном историческом источнике) их автор предстает как историк. Не случайно Титиний Капитон и другие знакомые Плиния уговаривали его заняться историей⁴. Древнеримские тексты свидетельствуют о глубоком интересе римлян к

историческим знаниям, а исторические исследования, среди прочего, показывают, как их авторы стремились к упорядочению этих знаний, приданию им некой системы. Гай Крисп Саллюстий, живший в I в. до н.э., человек, обладавший большим жизненным опытом и многое повидавший на своем веку, стал историком уже в относительно зрелом возрасте. Автор “Югуртинской войны”, “Истории” в 5-ти книгах (сохранившейся, однако, в нескольких фрагментах), он не ставил перед собой задачи выработки периодизации своих сочинений. Но, описывая эпоху упадка римского общества, которое ему приходилось наблюдать самому, он переходил к сравнениям и, невольно, передавая характеры своих героев, выделял этапы римской истории.

“Римский Геродот” Тит Ливий, живший на стыке старой и новой эры, посвятил написанию “Римской истории от основания города” почти 50 лет. Из 142 книг его главнейшего сочинения сохранилось всего 35. Содержание, хотя и весьма краткое, остальных его книг известно по трудам других авторов, цитировавших или, по крайней мере, упоминавших многотомник Тита Ливия. Особенность периодизации истории этого известного римского автора заключалась в том, что он применил принцип изложения истории Рима по годам от его основания до I в. до н.э. Первые 10 книг были доведены до 3-й Самнитской войны, то есть до 293 г. до н.э., известны также с 21 по 45-ю книги, где изложение римской истории доводится до 168 г. до н.э., до покорения Римом Македонии. Другие книги до нас не дошли и содержание их известно в самых общих чертах. Тем не менее можно с полным основанием отнести Тита Ливия к сторонникам хронологического подхода к периодизации истории, который сочетался с выделением этапов по наиболее значительным датам римской истории. Но не Тит Ливий был основателем чисто хронологического подхода. У него были далекие и близкие предшественники. В Древнем Египте было принято деление по годам правления фараонов, в Афинах – архонтов, в Риме – консулов, а затем и императоров. Сам Тит Ливий во многом заимствовал материал у римских анналистов, но у него имелись и свои, пользуясь современным понятийным аппаратом, методологические подходы, строившиеся на изучении изменений морально-этических устоев римского общества. По его мнению, именно нравственные достоинства древних римлян, их здоровый повседневный быт стали источником возникновения римского могущества⁵.

Тацит, творивший уже на стыке I и II вв. и немало повидавший и переживший на своем веку, в отличие от Тита Ливия, бывшего сторонником республики, хотя, отнюдь, не выступавшего

против императора Августа, стал апологетом Римской империи. Он доказывает неизбежность ее появления, подавая империю как более прогрессивный этап развития римского общества по сравнению с изжившей себя Римской Республикой. Но Тацит видит противоречивость исторического развития вообще и своей страны в частности и, оправдывая новый строй, отражает не только положительные черты римских императоров, но и живописует их как жестоких тиранов, преследующих лучших людей Рима. Для Тацита, таким образом, характерны диалектический подход к истории, понимание закономерностей ее развития, выделение этапов исторического процесса. Все это образует своеобразный новый, не характерный для прошлого, подход к периодизации римской истории.

Аппиан – историк II в. н.э., по происхождению грек, но живший в Риме и ставший римским гражданином, позднее поселившийся в Египте. Аппиан стал автором “Римской истории” в 24-х книгах, написанной на греческом языке⁶. Его масштабное творение, посвященное истории Рима с самого основания до начала II в., интересно, среди прочего, и своими методологическими подходами и своеобразной периодизацией римской истории. В основу периодизации многотомника положены крупнейшие войны Рима на протяжении всей его истории, известной автору. Первая книга была посвящена древнейшему периоду, далее говорилось о завоевании Римом Италии и войне с галлами. Потом следовало описание военных действий в Сицилии, Иберии, против Карфагена и т.д. Последние войны, которые описал Аппиан, были посвящены походам императора Траяна. Им были посвящены 23 и 24 книги его истории. Но особенность той периодизации, которую предложил этот римский историк, заключалась не только в этом его подходе. Хронологический подход, уже внедрившийся в античную литературу, он сочетал с подходом этническим. В ряде томов своей истории он рассказывает об истории тех народов, которые были завоеваны Римом. В начале шел исторический очерк той или иной страны и ее народа, а затем собственно следовало описание их покорения римскими войсками. Таким образом, хотя по названию многотомник Аппиана был посвящен истории Рима, по существу он представлял собой одну из первых всеобщих историй, подчиненных его своеобразной периодизации.

Рим выдвинул и ряд других авторов, заметно обогативших историческую науку, – Катона, Цицерона, Юлия Цезаря, Диодора Сицилийского, Страбона, Светония Транквилла, Апулея, Диона Кассия, Геродиана, Аммиана Марцеллина, Евтропия, Орозия, Зосиму и др. Даже знаменитый римский поэт Публий Ови-

дий Назон внес свой вклад в развитие исторической науки, и его известные “Письма с Понта” относятся к числу важных исторических источников. Исследователь творчества Овидия М.Л. Гаспаров, справедливо подчеркнувший, что “всякая периодизация условна”, обратил внимание на то, что у Овидия без мифологических параллелей “не обходится ни одна тема и почти ни одно стихотворение”⁷. Не обходится Овидий и без исторических параллелей. Не обходятся без них и два других представителя “золотого века римской поэзии”, то есть “века Августа” – Вергилий и Гораций.

Особый разговор о периодизации истории у Блаженного Августина. Августин, с одной стороны, принадлежит к эпохе античности, с другой, как бы органически вписывается в средневековую традицию, на формирование которой оказал сильнейшее влияние. Выходец из рабовладельческой среды, воспитанный на античной литературе, становится одним из крупнейших христианских богословов. Проповедник принципа, что “перед верой меркнут все достижения разума”, он выдвигает свое понимание исторического процесса. В круг его воззрений входит изучение динамики человеческой личности и динамики общечеловеческой истории. По его представлениям, история человечества это – непрерывная борьба божьего царства с царством сатаны, по-другому, – борьба праведников и Церкви с земным государством. Нечто подобное можно встретить и у Плутарха и других античных авторов, но Августин под религией понимает христианство. Он выступал с теократических позиций, за подчинение светской власти Церкви, причем, по его представлениям, Церковь должна владычествовать над миром. В одном из важнейших своих сочинений “О Граде Божьем” он видит источник исторического процесса в акте божественной воли Творца и выдвигает свою теорию мировой эволюции. В его периодизации истории большую роль играет учение о предопределении. Именно он развивает провиденциалистское понимание исторического процесса как пути к божьему царству, оказавшее громадное воздействие на последующую, причем не только средневековую историографию. Он же предлагает и свою периодизацию всемирной истории, которую он разделил на шесть периодов: первый от сотворения мира до всемирного потопа и шестой – с рождения Иисуса Христа⁸.

Мы остановились на наследии античных историков не только потому, что в нем усматривают зарю мировой историографии, но и потому что проблемы с которыми сталкиваются сегодняшние исследователи зародились уже тогда. Уже в греко-римской

историографии к периодизации истории применялись соответствующие методологии, равнодействующая которых заключалась в отделении фактов от вымысла и безусловном требовании достоверности исторического материала, поисках общих черт и, вместе с тем, отличий в истории различных стран и народов, общего, особенного и повторяющегося в истории, необходимости видеть за внешним течением истории внутренние побудительные мотивы, поисках причин исторических событий, последовательной объективности, четком разграничении истории и мифологии, признании исторического прогресса, – вообще, в трезвом, предельно реалистическом взгляде на ход мировой истории⁹. По отношению к периодизации истории, при всех отличиях между различными историческими сочинениями хорошо заметны хронологический, проблемный и даже стадийный подходы.

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение сочинений последующих авторов, уделявших внимание периодизации истории. Остановимся на них в самых общих чертах. В Средние века историческая мысль претерпела определенный регресс по сравнению с античной эпохой. Были, однако, тогда и определенные достижения историографии. В Средние века весьма популярной была периодизация истории по четырем монархиям. Она, например, получила отражение в “Хронике” Оттона Фрейзингенского, где изложены события мировой истории до 1146 г., и в других его сочинениях. Оттон Фрейзингенский, продолжатель августиновской традиции борьбы земного и божественного начал, предсказывает грядущий конец земного мира¹⁰. Собственно концепция Оттона Фрейзингенского не была оригинальной. Исследователи давно показали, что у истоков концепции четырех мировых монархий был труд греческого историка V–IV вв. до н.э. Ктесия – “Персия”. В этом труде проводится мысль о трех мировых монархиях – Ассирийской, Мидийской и Персидской. Затем к этим трем монархиям была добавлена четвертая – Македонская, и эта концепция четырех монархий получила распространение ко II в. до н.э. У пророка Даниила, в его библейской книге этого периода, то есть в Ветхом Завете, они фигурируют как Халдейское, Мидийское, Персидское и Греко-Македонское царства. Попав в Рим, эта концепция дополнилась положением о Римской монархии. В работе римского историка Помпея Трога, написанной на стыке старой и новой эры отмечены Ассирийская, Персидская, Македонская и Римская империи. Именно эта концепция четырех или даже пяти монархий затем попадает в христианскую историографию и прослеживается в IV и V вв. у Иеронима, а затем у Павла Орозия, ученика Августина, жившего приблизительно

но в 380–420 гг. Среди многих христианских авторов той эпохи распространялись мнения о том, что Римская империя будет последним государством на земле, и его уничтожение приведет к торжеству Царства Божьего¹¹.

Подразделение всемирной истории на эпохи четырех монархий прочно утвердилось затем в средневековой европейской историографии. Здесь к этим монархиям относили ассиро-вавилонскую, мидо-персидскую, греко-македонскую и римскую. Оттон Фрейзингенский, таким образом, действительно не был в этом отношении оригинален. Но он, во-первых, являлся автором всемирной истории, охватывавшей обширный период, а во-вторых, именно его труду преимущественно противопоставили свои воззрения гуманисты XV–XVI вв. При этом, конечно, нельзя закрывать глаза на сочинения других средневековых авторов. Была своя традиция у византийских историков, свои воззрения предлагали и некоторые церковные историки Западной Европы. Там пробивает себе дорогу периодизация по трем “мировым эпохам”, в соответствии с тремя ипостасями Божественной Троицы. Первый этап по этой периодизации занимал период от Адама до рождения Христа и подавался как время Бога-Отца. После этого следовало время Бога-Сына. Третий же период назывался эпохой Святого Духа, в соответствии с которым должна восторжествовать вечная справедливость. Эта концепция не поддерживалась официальными церковными властями, и историки-гуманисты противопоставили свои труды прежде всего концепции четырех монархий.

Гуманистам принадлежит великая заслуга в создании светской науки, в решительном разрыве с феодально-теологической трактовкой исторического процесса. Именно они первыми выдвигают понятие “Средневековье”(medium aevum), противопоставляют его Античности, а также заявляют о начале новой истории. Понятия древней, средней и новой истории, исходящие от гуманистов вошли во всемирную историографию и распространились, хотя и не сразу, почти по всем странам мира. Жан Боден, выдвинувший положение о складывании общества независимо от воли человека, под влиянием естественной среды, отстаивавший идею общественного прогресса, издает в 1566 г. свою знаменитую книгу, где уже фигурирует деление исторического процесса на древнюю, среднюю и новую историю¹². Уже в XVII в. эта периодизация стала широко известной и популярной в западно-европейских университетах. Сложности возникали, однако, при определении конкретных дат, разделяющих эту триаду. В вышедшем в 1685 г. в университете в Галле учебнике Келлера все-

мирная история делилась на древнюю до Константина Великого, средневековую – до 1453 г., то есть до падения Константинополя и новую – после 1453 г. Эта периодизация была довольно распространённой, но впоследствии ей противопоставлялись и другие. Различного рода предложений было великое множество. В историографии США распространилась начальная дата новой истории – 1492 г., то есть так называемое открытие Америки Х. Колумбом. Вообще, в истории Америки эта дата переломная и занимает особое место и в учебниках по истории США¹³.

Гуманисты вкладывали в свою периодизацию всемирной истории особый смысл. Например, исходный момент новой истории они усматривали в зарождении светской науки и культуры в эпоху Возрождения. Нередко за начало новой истории принимается распространение гуманизма и Реформация. Вообще, единой точки зрения не было и среди гуманистов. Но их важный вклад в историческую науку заключался не только в предложении новой периодизации, но, например, в утверждении концепции цикличности, что мы находим в трудах Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини, Ф. Патрици и, особенно, Д. Вико, жившего на стыке XVII–XVIII вв. и основательно разработавшего концепцию исторического круговорота. Вико предложил и свою периодизацию всемирно-исторического процесса. По Вико исходным пунктом развития являлось первобытное звериное состояние, время, когда, собственно, еще не было истории. Далее, один за другим следуют “век богов”, еще до создания государства, “век героев” – эпоха феодализма и жестокой борьбы феодалов и плебейства и “век человечества” – время республик, господства разума и расцвета. Далее, по Вико, за этими тремя стадиями, следует упадок и история начинается сначала. Концепция Д. Вико, однако, предполагает развитие каждого нового круга на более высоком уровне. В целом, Вико – сторонник человеческого прогресса¹⁴.

Вообще, в становлении истории как науки роль мыслителей XVII–XVIII вв. весьма велика, в силу обострившейся борьбы против феодальных порядков, влияния ранних буржуазных революций в Европе, прежде всего Английской и Великой французской. Просветители этой эпохи выдвинули требование написания всеобщей истории человечества исходя из новых принципов, в которые входило сравнительное описание истории, рассмотрение человека как части природы, идея непрерывного прогресса, признания единства судеб всего человечества. Они обратили большое внимание на изучение природно-географической среды, и от преимущественно политической истории, которая обычно находилась в поле зрения их предшественников, призывали обра-

таться и к экономическим проблемам, истории культуры, истории идей. Именно в это время возникает и понятие “цивилизация”. Поначалу, еще в XVII в. появляется термин “цивилизированный”, прослеживаемый, например, в трудах Р. Декарта и Б. Спинозы, затем, уже во второй половине следующего, XVIII в., впервые стало использоваться слово “цивилизация”¹⁵.

Видный представитель этой эпохи, один из идеологов Просвещения – И.Г. Гердер свой главный труд “Идеи к философии истории человечества”, в котором по словам автора тема его – “история человечества, философия истории”¹⁶, предлагает читателю довольно сложную историческую конструкцию. Его книга состоит из четырех частей и двадцати книг плюс план заключительного тома, неосуществленных 21–25 книг. Не периодизация истории интересует в первую очередь немецкого историка. Главное место в ней занимает проблема законов общественного развития. Несомненный сторонник общественного прогресса, Гердер видит и его различные зигзаги и повороты и отнюдь не относится к безбрежным оптимистам. Его периодизацию приходится буквально выискивать, но внимательное прочтение его книги позволяет понять ее и то, что периодизации он уделял далеко не последнее место. Гердер в своем исследовании изучает историю стран Древнего Востока и проявляет себя как убежденный противник европоцентризма. Он последовательно исследует эпоху античности и далее переходит к истории феодализма, которую доводит до XIV в. Интересно, что у него Средневековье рассматривается как закономерный этап в развитии человечества. Здесь он входит в противоречие со взглядами многих мыслителей Просвещения, видевших в Средних веках досадный регресс. По Гердеру феодализм был не только закономерным этапом развития истории, но и этапом прогрессивным. Заголовок одного из разделов его книги звучит следующим образом – “Роду человеческому суждено пройти через несколько ступеней культуры и претерпеть различные перемены, но прочное благосостояние людей основано исключительно на разуме и справедливости”¹⁷.

Младшим современником Гердера был французский мыслитель А. де Сен-Симон. Он вошел в историю больше как социалист-утопист, хотя утопизм его, отнюдь, не намного больше чем у других, поскольку элементы утопизма, большие или меньшие, можно усмотреть у любого даже самого трезвого мыслителя. Да, Сен-Симон был социалистом и очень крупным, оказавшим большое влияние на последующие поколения сторонников этого учения. Но он был и социологом и историком, предложившим и свои методологические подходы к истории, и собственную ее

периодизацию. В поле зрения Сен-Симона как историка присутствуют, прежде всего, древняя, средневековая и новая история. Но он, отнюдь, не закрывал глаза на историю первобытной эпохи. Доказывая прогрессивность рабовладельческого строя по сравнению с первобытным, он подчеркнул, что если раньше пленника просто съедали, тогда, как при рабовладении его заставляли работать на себя. В этом Сен-Симон видел несомненную прогрессивность нового строя. Вообще, каждую новую общественную систему Сен-Симон рассматривает как более прогрессивную, чем предыдущая. Следующим этапом по Сен-Симону должно быть общество построенное на расцвете науки и индустриальных производительных сил, что должно было привести к изобилию и удовлетворению всех основных потребностей личности с торжеством принципа распределения по способности. Это учение Сен-Симона было дополнено его учениками, прежде всего С.-А. Базаром и Б.-П. Анфантенем, известными как сен-симонисты (хотя с учениками Сен-Симона не так все просто и были среди них люди разных ориентаций)¹⁸, выдвинувшими лозунг уничтожения частной собственности и эксплуатации человека человеком и принцип “каждому по способностям, каждой способности – по ее делам”. Одновременно они замену частной собственности видели в торжестве не только права способности, но и права труда. К новому строю они стремились перейти постепенным и мирным путем¹⁹.

Сен-Симон и сен-симонисты создали новую стадиальную концепцию, в которой просматривается пять больших этапов развития человеческой истории: первобытный, рабовладельческий (политеизм), феодально-сословный, промышленный с наемным трудом и будущий этап человеческой истории, который должен был быть построен на полном уничтожении эксплуатации человека человеком. Создавалась, таким образом, пятизвенка или пятичленка всемирного-исторического процесса. Последний этап, который еще должен был наступить, ни у самого Сен-Симона, ни у его учеников социализмом не назывался. Этот термин в их сочинениях не фигурирует. По всей вероятности, его впервые, в 1834 г., использует бывший сен-симонист и в дальнейшем считавший себя продолжателем дела Сен-Симона Пьер Леру²⁰, который ввел этот термин в своей статье “Об индивидуализме и о социализме”. То что такой термин впервые появляется у учеников Сен-Симона не вызывает удивления, удивительно то, что термин “социализм” появился раньше термина “капитализм”, хотя слово “капитал” в соответствующем понимании существовало уже давно, а капитализм насчитывал столетия. По мнению

исследователей, термин “капитализм” раньше всех, по-видимому, применил Луи Блан²¹, первое крупное сочинение которого “Организация труда” было опубликовано в 1839–1840 гг.

Наблюдения Сен-Симона и сен-симонистов строились на учете имевшегося тогда фактического материала. Еще в 1767 г. шотландский исследователь А. Фергюсон публикует свою работу под названием “Опыт истории гражданского общества”, где на основе богатого этнографического материала подробно описал первобытно-общинный строй. Этот строй автор охарактеризовал как первобытнокоммунистический с коллективным производством и потреблением. Параллельно шло исследование рабовладельческой эпохи, получившее особое отражение в трехтомном труде французского историка Анри Валлона под названием “История рабства в античном мире”, вышедшем в 1848 г. Мировая наука в значительной степени “догоняла” наблюдения Сен-Симона и его учеников, и не случайно от этих построений оставался буквально один шаг до созданной К. Марксом и Ф. Энгельсом теории формаций.

Термин “формация” был взят Марксом и Энгельсом из геологии и придавал не только новую форму, но и новое содержание стадияльной теории. Ими был применен материалистический подход к пониманию истории. Есть возможность проследить как развивались эти взгляды еще до “Капитала”, от их известных сочинений “Немецкая идеология”, “Нищета философии”, “Манифест Коммунистической партии” до поворотной работы “К критике политической экономии”, написанной в конце 50-х годов XIX в., где К. Маркс развивает учение о соотношении производительных сил и производственных отношений и подчеркивает, что “ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия для существования в недрах самого старого общества”. Здесь же Маркс говорит о способах производства, упоминая азиатский, античный, феодальный и буржуазный, которые относились им к “прогрессивным эпохам экономической общественной формации”. Положение об азиатском способе производства затем вызвало дискуссии²², но последователи Маркса и Энгельса, опираясь на их наследие, впоследствии выдвинули положение о пяти социально-экономических формациях. В данном случае они отталкивались от наследия классиков марксизма, где говорилось, что “буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества”²³, и ее сменит ком-

мунистическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства и на товарищеском сотрудничестве свободных от эксплуатации трудящихся. Ф. Энгельс в своей работе “Происхождение семьи, частной собственности и государства” не применяет понятия “азиатский способ производства” и вводит понятие “первобытнообщинного строя”. Марксом и Энгельсом было также выдвинуто положение о двух фазах коммунизма.

Наследие классиков марксизма было положено в основу периодизации исторического процесса их последователями в разных странах, особенно в Советском Союзе. Параллельно с марксистской периодизацией появляются и в большей или меньшей степени распространяются другие хронологические и методологические подходы самого различного плана. Количество содержащих их сочинений столь велико, что даже простое перечисление исследовательских подходов как таковых заняло бы значительное место. Упомянем лишь наиболее распространенные направления.

Одним из таких направлений стал так называемый цивилизационный подход. Его название произошло от понятия “цивилизация”. Последняя, по мнению его сторонников, следовала на смену варварству. Затем “цивилизация” стала применяться в совокупности с термином “культура”, и в этом плане следует выделить книги известного французского историка Ф. Гизо “История цивилизации в Европе” и “История цивилизации во Франции”. Из наиболее видных сторонников подхода можно отметить Ж.А. Гобино, выделившего десять цивилизаций, Г. Рюккерта, Н.Я. Данилевского, Ф. Бэбби, исследовавшего девять “главных” цивилизаций и 29 “периферийных”, К. Квингли, выделившего в развитии цивилизаций семь стадий. Среди них следует назвать и работы современного автора С. Хантингтона, находящего (в своей нашумевшей статье “Столкновение цивилизаций?”²⁴) в современном мире до 7 крупных (западно-христианскую, восточно-христианскую, исламскую, буддистско-конфуцианскую, японскую, латиноамериканскую и африканскую) и ряд мелких цивилизаций и предсказавшего конфликт между ними. Особенно следует отметить в этом направлении работы английского историка А. Тойнби не столько поддержанного на Западе, сколько в нашей стране. Тойнби, автор 12-томной книги “Постижение истории”, поначалу был сторонником циклизма, затем от него отходит²⁵. К числу важнейших вопросов его многотомника относятся следующие: почему возникают цивилизации, почему и как они развиваются и почему в итоге погибают. Он предложил две классифи-

кации цивилизаций. В соответствии с первой он насчитал 31, а в соответствии со второй – 34 цивилизации, выделяя в них и так называемые недоразвившиеся и окаменевшие. По представлениям Тойнби, человечество движется от локальных цивилизаций к единой всечеловеческой цивилизации, конечной всеобщности. Вообще Тойнби неоднократно менял свои подходы к цивилизациям, и количество их у него колебалось от 100 до 13. Один из оппонентов Тойнби, английский историк Р.Дж. Коллингвуд, отнюдь, не марксист, более того, идеалист, признавая “невероятную эрудицию” Тойнби, его тонкую историческую интуицию, критикует своего земляка, по его словам, с двух сторон. Во-первых, по мнению Коллингвуда, у Тойнби “сама история, исторический процесс разделена резкими границами на отдельные взаимоисключающие части, при этом отрицается непрерывность процесса, та непрерывность, в результате которой каждая часть истории прекращается и входит в другую”. Второе главное замечание заключается в том, что “процесс как целое и историк тоже противопоставлены друг другу”. В результате, по Коллингвуду, “прошлое, вместо того, чтобы жить в настоящем, как это имеет место в истории, мыслится как мертвое прошлое, каким оно является в природе”²⁶.

Замечания Коллингвуда могут быть обращены и ко многим другим сторонникам цивилизационного подхода. Последние испытывали серьезнейшие трудности при отражении исторического процесса по его “горизонтали”, но и в подаче развития цивилизаций по “вертикали” они сталкивались с рядом трудностей. Акцентируя внимание на той или иной цивилизации, они, нередко, отрешались от исторического многообразия и постоянно встречались с различного рода сложностями, подбирая объективные критерии для определения той или иной цивилизации. Они явно проигрывали сторонникам формационной теории при создании четкой схемы исторического процесса, хотя и у тех были свои проблемы. Признавая то, что в чистом виде не может существовать ни одна из формаций прошлого, эти историки не всегда учитывали всю сложность исторического процесса, пытались вычленять главное, порой, пренебрегая особенностями. Тем не менее, отрешаясь от крайностей той или иной теории, следует признать научность и того, и другого подхода. Не случайно именно они стали главными в XX в., наложив свой неизгладимый отпечаток на конструирование и соответствующих периодизаций. В той или иной степени они нашли отражение при написании известных “всемирных историй” В. Онкена, И. Пфлуг-Хартунга и В. Гетца в Германии, Э. Лависса и А. Рамбо, Л. Альфана

и Ф. Саньяка, Г. Глотца, Э. Кавеньяка, Ж. Пиренна во Франции, трех серий так называемой Кембриджской истории в Англии, из которых 12 томов были посвящены древней истории, 8 – средневековой и 14 – новой истории и др.

Но кроме формационного и цивилизационного подхода в исторической науке нового и новейшего времени имеется и ряд других. Свои подходы были у Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, сторонников экономического, биологического или географического детерминизмов, проводников концепции индустриального общества или сторонников многофакторного, по другому плюралистического, а также и других подходов, каждый из которых приводил к конструированию своей собственной периодизации. Не имея возможности остановиться на них, отсылаем читателя к капитальной монографии Ю.И. Семенова “Философия истории”, где многим из них уделяется соответствующее место.

Об отечественной исторической науке в полной мере можно говорить лишь с начала XVIII в. Ни в коей мере не умаляя исторических трудов более раннего периода, начиная с “Повести временных лет” и вплоть до “Скифской истории” А.И. Лызлова, следует признать особую роль в возникновении светской исторической науки именно XVIII в. В это время русские исследователи-историки активно используют достижения иностранных специалистов, уделяют внимание особенностям исторического процесса в самой России. Особый путь России или, по крайней мере, особенности ее истории подчеркивались многими русскими историками. Генерал И.Н. Болтин, вступивший в полемику с французским автором по истории России Леклерком, подходит к созданию особого учения о “месторазвитии” столь понравившегося Екатерине II и где он объяснял силу России особенностями ее географической среды²⁷. В XIX в. свои концепции об особенностях русской истории выдвигают славянофилы, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и другие русские мыслители. Особенности русской истории видели и исследователи-марксисты. Хорошо известно на этот счет высказывание Г.В. Плеханова, писавшего, что “в историческом развитии России... есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран Европейского Запада и напоминающие процесс развития великих восточных деспотий. Причем, – чем весьма значительно осложняется вопрос, – особенности эти сами переживают довольно своеобразный процесс развития. Они то увеличиваются, то уменьшаются, вследствие чего Россия как бы колеблется между Востоком и Западом”.

Особенности русской истории показываются уже в первых собственно исследовательских трудах ей посвященных. Если зарождение русской гражданской литературы связывают с именем А.Д. Кантемира, то появление первого научного труда обобщающего характера по русской истории тоже относится к той же эпохе, и автором его был В.Н. Татищев. И русская гражданская литература, и история как наука, таким образом, зарождаются в особых условиях, созданных петровскими преобразованиями. Татищев получил по тем временам неплохое образование и имел солидный жизненный опыт, обратив на себя внимание Петра I. В своей “Истории Российской с самых древних времен”, он не только пытается разобраться в закономерностях человеческого общества, но, основываясь на своих методологических подходах, типично рационалистических, выдвигает собственное понимание исторического процесса с позиций “умопросвещения”. Татищев был первым в отечественной исторической науке, кто дал общую периодизацию истории своей страны. Первый этап ее, который Татищев называет господством единовластия, он определяет 862–1132 гг., то есть доводит его до кончины сына Владимира Мономаха – Мстислава, после чего, по Татищеву, наступает новый этап феодальной раздробленности лишь временно и не полностью преодоленный этими великими князьями. Этот новый этап русской истории Татищевым характеризуется как нарушение единовластия и обнимает 1132–1462 гг. Третий этап, охарактеризованный Татищевым как восстановление единовластия, по его мнению, начинается с 1462 г., то есть с начала правления Ивана III²⁸.

Татищев был убежденным сторонником самодержавия, и эта установка не могла не оказать влияния на его периодизацию истории. Сам же труд Татищева оказал заметное воздействие на последующие работы по истории России. Ни в коей мере не умаляя роли исследований М.В. Ломоносова, делившего русскую историю на шесть периодов, М.М. Щербатова и других исследователей истории России, мы усматриваем следующий этап в разработке периодизации русской истории в известном много-томнике Н.М. Карамзина. Его издание было знаменательным событием в отечественной историографии и свидетельствовало о выходе исследования истории России на новый уровень. Уже в предисловии Карамзин показывает особое значение отечественной истории по сравнению со всемирной, подчеркивая: “Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная”. И несколько далее: “...личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо

любим себя... имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем”²⁹.

Там же, еще в Предисловии, Н.М. Карамзин дает свою трактовку периодизации истории России. Сделал он это довольно своеобразно, обратившись к периодизации русской истории, сконструированной А.Л. Шлецером, к которому он относится с большим пиететом. Как пишет Карамзин, в соответствии с этой периодизацией, история России от 862 г. до Святополка должна быть названа *рождающейся*, от Ярослава до монголов (у Карамзина Моголов) – *разделенною*, от Батыея до Ивана III – *угнетенною*, от Ивана III до Петра Великого – *победоносною* и от Петра до Екатерины II – *процветающею*. И далее Карамзин вступает в полемику с немецким историком, называя его периодизацию более остроумной, чем основательной. Карамзин отвечает своему предшественнику по пунктам. Век Владимира он считает веком могущества и славы, а не *рождения*. Государство, по Карамзину, *делилось* и до 1015 г. Переходя к третьему периоду по Шлецеру, Карамзин выступает против включения в один период времени великого князя Димитрия Александровича (сына Александра Невского) и Димитрия Донского. При первом из них, по Карамзину, господствовало безмолвное рабство, а при втором – победа и слава. И, касаясь четвертого периода по Шлецеру, Карамзин счел нужным отметить, что век самозванцев “ознаменован был более злосчастьем, нежели победою”. Пятый период Шлецера Карамзин оставил без комментариев.

Отрешаясь от того, насколько карамзинская критика Шлецера была обоснованной, перейдем к той периодизации, которую предложил сам автор “Истории государства Российского”. Он подразделил эту историю на три периода и прямо заявил, что такое деление не только лучше и истиннее, но и скромнее. Первый период по Карамзину называется древнейшим и охватывает он время от Рюрика до Ивана III, второй – средний – от Ивана III до Петра I и третий – новый – от Петра I до Александра I. Каждому из этих периодов, называемых эпохами, автор дает соответствующую характеристику. Первую эпоху он называет системой уделов, вторую характеризует как единовластие, третью подает как изменение гражданских обычаев³⁰. Такова у Карамзина самая общая периодизация российского исторического процесса. Не говоря о подаче им предыстории Древнерусского государства, следует отметить, что далее он предпочитает

периодизацию по правлениям князей, и первый том охватывает время от Рюрика до конца правления Владимира. Последний, 12-й, том истории Карамзина был доведен до 1611 г.

История Карамзина имела уже при жизни автора огромный резонанс, но уже тогда у нее появились критики в лице А.С. Пушкина, декабриста Н.М. Муравьева, Н.А. Полевого, явно противопоставившего свою шеститомную “Историю русского народа” “Истории государства Российского”, и др. Появились затем и иные работы по русской истории, где предлагались свои периодизации. Не закрывая глаза на труды М.П. Погодина, Н.И. Костомарова и других русских историков, особое внимание, конечно, следует уделить периодизации истории в трудах С.М. Соловьева, несомненно, самого крупного отечественного историка XIX в.

Как и Полевой, Соловьев противопоставляет свою историю истории Карамзина, ставшей уже официальной и признанной лично Николаем I. Но что примечательно, первый том истории Соловьева вышел в 1851 г., еще при жизни этого русского императора, и в этом первом томе Соловьев демонстрирует свое, весьма оригинальное, отношение к периодизации отечественной истории. В начале “Предисловия” он следующими словами излагает свое кредо по этому вопросу: “Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснять каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, – вот обязанность историка в настоящее время, как понимает автор предлагаемого труда”³¹. Далее Соловьев, в целом характеризуя русскую историю, выделяет разные ее этапы, отмечая особенности страны со второй половины XII в., обращает внимание на переход родовых отношений между князьями в государственные, останавливается на значении событий конца XVI–начала XVII вв., дает оценку первым Романовым и отмечает тесную связь российского XVII в. с первой половиной XVIII, подчеркивая, что разделять их нельзя. И затем он выделяет период со второй половины XVIII в. и до современных ему событий. Такова общая периодизация русского исторического процесса в “Предисловии” к многотомнику Соловьева. Непосредственное знакомство с каждым из его томов, в целом доведенных до 1775 г. позволяет выявить и детали периодизации в многотомнике. Автор уделяет большое внимание предистории создания государственности и сочетает проблемный подход с хронологическим. Особое место отводится у Соловьева

датам правления князей и царей, но автор не обходит при этом и так называемых переходных периодов. Специальные главы он посвящает событиям, произошедшим при внуках Ярослава Мудрого (1093–1125 гг.), борьбе между сыновьями Александра Невского (1276–1304 гг.), а периоду правления В. Шуйского им посвящены две главы.

Соловьев останавливается на периодизации русской истории не только в своем многотомнике, но и в ряде других работ. Интересно, что в большой статье под названием “Август Людвиг Шлецер” он касается уже упоминавшейся периодизации Шлецера, называя знаменитым “разделение на периоды, которое так долго господствовало и провозглашалось с университетской кафедры, разделение на пять периодов”. Перечисляя их, Соловьев подчеркивает, что “с такого чисто внешнего деления по необходимому закону должна была начаться наука”³². Сам Соловьев выступает против внешнего деления и провозглашает примат внутреннего развития и необходимость изображать характеры действующих лиц в соответствии с той эпохой, в которой они проживают. Он критикует Шлецера за эту периодизацию, но с других позиций нежели Карамзин. Возвращается Соловьев к проблемам периодизации истории России и в “Учебной книге русской истории”, которую в хронологическом плане доводит до 1850 г.

Естественно, никак нельзя миновать подходов к периодизации в трудах В.О. Ключевского, ставших вершиной русской дореволюционной мысли в отечественной истории. Интересно, что в своем известном “Курсе русской истории” Ключевский первую лекцию посвятил методологии истории, а во второй довольно подробно останавливается на периодизации, связывая ее со славянской колонизацией Восточной Европы. По Ключевскому “переселение, колонизация страны были основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты”³³. Он выделяет период с VIII по XIII в. и характеризует его как Русь Днепровскую, городскую, торговую. Далее следует период с XIII до середины XV в., названный историком Русью Верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой. Новый период по Ключевскому – с середины XV до второго десятилетия XVII вв., по его словам, это Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая. И, последний, четвертый период в его курсе датируется началом XVII–половиной XIX в. и называется всероссийским, императорско-дворянским. Вновь перечисляя эти периоды, в которых, по его словам, “отразилась смена исторически вырабатывавших-

ся у нас складов общезнания”³⁴, Ключевский выделяет 1) *днепровский*, 2) *верхневолжский*, 3) *великорусский*, 4) *всероссийский*.

Эта была новая периодизация русской истории, заметно отличавшаяся от предыдущих периодизаций А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева. Исследователи наследия Ключевского уже давно обратили на нее внимание и подчеркнули, что в отличие от своих предшественников он решительно порвал с традицией рассматривать историю России по царствованиям, когда в основу периодизации ставилось политическое начало. Ключевский выводит становление государства из жизненной практики народа и его сознания³⁵. Конечно, Ключевский не избегнул истории царствований наиболее видных монархов. Останавливается он и на царствовании Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, но в основе изложения исторического материала все-таки находится его четырехзвенная периодизация, к которой он затем неоднократно возвращается и дает дополнительные характеристики. Оценивая, например, последний, четвертый период своего курса и датируя его более точно – 1613–1855 гг., характеризует его не как один из периодов нашей истории, а как “*всю нашу новую историю*”³⁶. Он, таким образом, выделяет начало царствования Александр II, а не реформу 1861 г.

Как и С.М. Соловьев, В.О. Ключевский останавливался на проблемах периодизации и в других своих работах. Особо следует отметить три момента общего исторического процесса в лекциях по “*Методологии русской истории*”, где он излагает свое представление о всемирно-историческом процессе³⁷. Вообще, говоря о периодизации отечественной истории, нельзя не упомянуть и отечественных специалистов по всемирной истории. Всеобщей историей занимались и Соловьев и, хотя и в меньшей степени, Ключевский. Но была и плеяда историков зарубежья, которую нельзя не принимать во внимание, поскольку они тоже оказывали влияние на историков России. Не имея возможности подробно остановиться на их трудах и их подходах к периодизации истории, мы не можем не остановиться на Т.Н. Грановском, несомненно, крупнейшем русском всеобщнике XIX в.

Открывая курс своих лекций, Грановский, демонстрирует свою периодизацию новой истории и кратко останавливается на основных этапах всемирной истории – древней и средневековой. Он подчеркивает, что будет заниматься в этом курсе лекций историей 3-х последних столетий, называемых новой историей и прямо пишет, что рубежом между новой и средневековой историей принято считать открытие Америки и начало реформацион-

ного движения в Германии. Далее он уточняет, “следовательно, последними годами XV и первыми XVI столетия начинается эпоха, к изучению которой мы приступим”³⁸ и останавливается на характерных особенностях новой истории по сравнению со средней и древней, подчеркивая их глубокое различие. Он, таким образом, последовательно раскрывает существенные различия между средневековой и древней историей и затем между новой и средневековой, приводя соответствующие аргументы в пользу своей концепции³⁹.

Исследования по отечественной истории оказали значительное влияние на учебно-методическую литературу России. Причем, необходимо отметить и появление учебников, где параллельно подавалась как всеобщая, так и русская история. Пожалуй наиболее популярным из этой серии был учебник И.И. Беллярминова, подготовившего также учебные пособия и по древней истории, и по всеобщей, и по русской, выходящими многими изданиями. Больше всего изданий выдержал его “Элементарный курс всеобщей и русской истории”, вышедший в 1911 г. 39-м изданием. Неизменно, уже на обложке сообщалось: “Прежние издания, рассмотренные Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения, рекомендованы для употребления в виде руководства для мужских и женских гимназий, реальных, городских и уездных училищ”. Беллярминов начинал свой учебник с древней истории и в последних изданиях доводил изложение исторических событий до начала XX в. Текст по всеобщей и отечественной истории он подавал последовательно: в начале шел материал по Древнему Египту, переселению народов и падению Рима, которые он относил к древней истории. При этом историк подчеркивал: “Падением Западной Римской империи оканчивается древняя история. События, совершившиеся после падения Западной Римской империи до открытия Америки (476–1492), входят в среднюю историю; события же, следовавшие за открытием Америки и до настоящего времени, составляют предмет *новой истории*”⁴⁰.

К русской же истории Беллярминов приступил после подачи материала по Византии, арабам, германцам и южным славянам. Этот раздел у него называется “Начало русского государства – утверждение христианства”. Беллярминов начинает изложение русской истории с восточных славянских племен и доводит его до княжения Юрия Всеволодовича. Далее автор переходит к событиям в Западной Европе и вновь возвращается к истории России уже в XIII–XV вв., подобными чередованиями заполнена вся его книга. В целом материал по истории России по своему

объему преобладал над историей всех других зарубежных стран вместе взятых.

Говоря об учебно-методической литературе дореволюционной России, следует отметить, что авторами учебников были такие крупные российские историки как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.М. Богословский, С.Ф. Платонов и др. Но так получилось, что наиболее распространенными учебниками как по всеобщей, так и российской истории стали учебники Д.И. Иловайского, выдержавшие десятки изданий. К Иловайскому еще до 1917 г. сложилось несколько ироничное отношение. Широко был распространен термин “иловайщина”, и имя его еще при жизни стало нарицательным. Даже в дореволюционных справочных изданиях он характеризовался как автор тенденциозный, консервативный и крайне националистический⁴¹. Но Иловайский получил специальное историческое образование в Московском университете, учился у Грановского и Соловьева, сам был историком-исследователем. Известен он трудами по истории Рязанского княжества, своим пятитомником “История России” и другими работами, и его наследие еще в советское время послужило темой специальной диссертации⁴². Еще большее внимание было обращено к нему в последние годы.

Кстати, было обращено внимание и на периодизацию истории по Иловайскому. При этом отмечено, что он нигде не выражал свои взгляды по основным вехам русской истории. Но его наследие позволяет представить его схемы русской истории, в соответствии с которыми I в. до н.э.–IX в. н.э. относились к периоду предыстории Руси. Период начинался с роксоланов, которых Иловайский относил к предкам русских. Он даже проповедовал так называемую роксоланскую теорию. Далее у Иловайского шел киевский период – X–XII вв., владимирский – XII–XIII в., московско-литовский – XIV–XV вв., московско-царский – XVI–конец XVII в. (в него входила Смута, которую он определял 1603–1613 гг.), то есть до царствования Петра I⁴³.

Если обратиться к одному из учебников Иловайского по русской истории, например, к “Кратким очеркам русской истории”, которые в 1875 г. вышли уже пятнадцатым изданием, то он их начинает с древнейшей истории, но началом русской истории называет IX в.⁴⁴ Далее у него идут разделы под названием “Развитие удельно-веческой системы”, охватывающий 1113–1212 гг., “Монгольское иго” с 1224 по 1340 г. и другие разделы с соответствующей периодизацией. Последние разделы этого учебника Иловайский соотносил с царствованиями, пытаясь показать характерные черты правления Павла I, Александра I, Николая I. Ило-

вайского почти не интересовали проблемы методологии, и он практически не учел наработки в этой области таких видных русских методологов как Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, М.М. Хвостов, Л.П. Карсавин и др., без трудов которых уже нельзя было обходиться в исследованиях начала XX в., в том числе и при выделении соответствующей периодизации не только всеобщей, но и отечественной истории.

Учебники и учебные пособия в России того времени носили официальный или официозный характер. Но существовала и литература иного плана, выходившая из среды противников царского режима. Печатались эти издания обычно или нелегально, или за пределами страны. Если и были исключения, то довольно редкие. К таким исключениям относятся, например, известные “Исторические письма” П.Л. Лаврова, изданные легально. В 1917 г. вышло их пятое издание⁴⁵. Эта, в основном, бесцензурная литература также заслуживает внимания. Видный революционер-народник С.М. Степняк-Кравчинский в 1885 г. издает за границей на английском языке свою книгу “Россия под властью царей”, переведенную на русский язык уже позднее. Особое внимание заслуживает ее первая часть под названием “Развитие самодержавия”, где имеется девять проблемных глав. В ней особое внимание уделялось истории общины, вечевому началу, русским республикам, к которым автор относил не только Новгородскую республику, но и республику украинских казаков — Запорожскую Сечь⁴⁶. Периодизацию русской истории Степняк-Кравчинский специально не выделяет, о ней можно узнать при прочтении его работы. В XI и XII вв., по его мнению, на Руси преобладал ультрадемократический строй, который в течение трехсот или четырехсот лет превратился в деспотизм, а в XIII и XIV вв., опять-таки по его мнению, наблюдается период наибольшего развития московского самодержавия⁴⁷. Останавливается Степняк-Кравчинский и на других этапах русской истории, высоко, например, оценивая реформы Петра I.

Были и другие книги подобного характера, не представлявшие особой научной ценности, но отличавшиеся иными подходами, нежели подцензурная литература. Одну из таких книг под названием “Рассказы из русской истории” подготовил известный народник, впоследствии эсер Л.Э. Шишко. Как и книга Степняка-Кравчинского, она носит популярный характер, но более объемна и в еще большей степени нацелена на изучение жизни простого народа. Автор в большей степени, чем его предшественник придерживается хронологического подхода и начинает изложение исторического материала с эпохи зарождения Руси. Проб-

лемно-хронологический подход он сочетает с изложением исторического прошлого по царствованиям. Настрой этой книги явно антисамодержавный. Антимонархическими выпадами заканчивает Л. Шишко свое сочинение: “И вот, при Николае I Россия заплатила за свое самодержавие эту дорогую цену, точно также, как при Николае II она заплатила за свое самодержавие еще более дорогой и кровавой Японской войной”⁴⁸.

Литература подобного плана в самой России тогда имела ограниченное хождение, но она привлекает внимание не только своей оппозиционной направленностью, но и тем, что именно продолжением подобной традиции станут многие исторические издания, вышедшие после 1917 г. Мы специально не разбираем издания эмиграции, где оказались многие профессиональные историки, по-своему трактовавшие проблемы периодизации всемирной и отечественной истории⁴⁹. На учебно-методическую литературу в СССР они не оказали, да и не могли оказать, практически, никакого влияния. В центре нашего внимания находится историческая литература, издававшаяся внутри страны. Эта литература, ставшая называться советской, отнюдь, не была полным отрицанием прежних работ по истории. Кстати, многие видные советские историки получили специальное историческое образование еще до Октябрьской революции 1917 г. – В.П. Волгин, Н.М. Дружинин, Н.М. Лукин, С.Д. Сказкин, М.Н. Тихомиров и другие. Еще задолго до Октября в России стала появляться марксистская историческая литература, а затем и выделившиеся из нее большевистские издания. До революции выходили исторические труды М.Н. Покровского, М.С. Ольминского, Ю.М. Стеклова и других видных большевиков. Еще в 1907 г. выпустил свою работу под названием “Теория исторического материализма” будущий известный советский античник А.И. Тюменев. Значительное внимание истории уделял Г.В. Плеханов, и его периодизации всемирной и отечественной истории можно посвятить специальную работу. Примечательно, что его книга о материалистическом подходе к истории вышла легально в Петербурге в 1895 г. В ней Плеханов, ссылаясь на Маркса и Энгельса, писал, что “критерием идеала служит экономическая действительность”⁵⁰.

Плеханов – сторонник формационного подхода к истории – действительно, уделял значительное внимание ее периодизации, более того, обращаясь к “Истории немецкой национальной литературы” Г. Клуге, он дает свой комментарий семи периодам истории этой литературы с древнейших времен. Критикуя это деление, Плеханов счел необходимым сделать следующее замечание: “Нам оно кажется совершенно *эклeктичным* (курсив Г.В. Плеха-

нова. – В.Г.), то есть построенным не на основании одного принципа, что является необходимым условием всякой научной классификации и деления, а на основании нескольких, несоизмеримых принципов”⁵¹. Весьма важное замечание не только для понимания подходов самого Плеханова, но и для любых попыток подлинно научной периодизации. Неоднократно обращался к проблемам истории и В.И. Ленин, о чем имеется и соответствующая литература⁵². В этих и других исследованиях, а также и в соответствующих указателях⁵³ можно найти ответ и на вопросы об отношении Ленина к проблемам периодизации. Историю России эпохи феодализма Ленин подразделял на три основных этапа. Первый – Древняя Русь, второй – Средние века, или эпоха Московского царства, и третий этап – новый период русской истории, который он начинал примерно с XVII в. Как важный этап в развитии русского общества Ленин рассматривал преобразования Петра I, неоднократно обращался к реформе 1861 г. и к переходу от феодализма к капитализму в России. Широкое распространение получила ленинская периодизация российского освободительного движения, которое он делил на три периода, его теория империализма и т.д.

Труды Плеханова и, особенно, Ленина оказали сильнейшее влияние на советскую историческую литературу. Без учета их сочинений теряется ключ к пониманию этой литературы. Но, обращаясь к советским изданиям по периодизации истории, отнюдь, нельзя говорить о господстве полной унификации. Все-таки сохранялись разные направления и в рамках единой марксистской методологии с ее формационным подходом. М.Н. Покровский свою “Русскую историю в самом сжатом очерке”, первые две части которой вышли в 1920 г., строил на основе своих прежних, еще дореволюционных исследований, особенно на своем многотомнике. В этом издании, однако, большее внимание было уделено анализу капиталистического развития страны с присутствием для Покровского особым вниманием к торговому капиталу и к истории революционного движения. Следует также иметь в виду и тот факт, что взгляды Покровского не были неизменными и претерпевали определенное развитие. Для периодизации русского феодализма заслуживает внимания соответствующая его статья⁵⁴.

Иные подходы к периодизации можно заметить в трудах Н.А. Рожкова, как и Покровский закончившего Московский университет и относившегося к кругу профессиональных историков. Главный труд Рожкова – “Русская история в сравнительно-историческом освещении” в 12-ти томах, выходящая с

1918 по 1926 г. События русской истории представляются там параллельно с историей других стран. Исторический процесс историк подает как поступательный, в котором можно проследить чередование органических и критических эпох, причем под первыми он понимает эпохи, отмеченные эволюционными изменениями, а под вторыми – изменениями революционными. В поле его зрения находится первобытное общества, затем общество дикарей и далее родовое и племенное общество. Обращаясь к истории Руси, племенное общество историк усматривает у восточных славян в VI–X вв. Феодальную революцию на Руси он видит в X–XIII вв., русский феодализм как таковой – с XIII по середину XVI вв., а “дворянскую революцию” Рожков датирует в России с середины XVI по 1725 г., период же дворянского господства – с 1725 по начало XIX в. И последний этап периодизации истории России по Рожкову – буржуазно-демократическая революция и капитализм – с 20-х годов XIX в. до 1917 г.

Это была самостоятельная историческая схема, которая дополнялась социологическими подходами весьма характерными для автора⁵⁵. Одни тома у него посвящались зарубежной истории, другие русской. Например, 9-й том носил подзаголовок “Производственный (аграрный и промышленный) капитализм в Западной Европе и внеевропейских странах”, а десятый – “Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века”. Первая часть 4-го тома называлась “Дворянская революция в России” и вызывала внутреннее противодействие уже одним этим названием. Уже в первых строках этого тома автор писал: “Четвертый период русской истории охватывает 175 лет – с половины XVI века, начало формально-самостоятельного правления Ивана Грозного, до конца первой четверти XVIII века, т.е. до смерти Петра Великого. Это – период дворянской революции”⁵⁶. Упомянутый, последний или, по-другому, шестой этап истории России в XIX и в начале XX столетия он характеризует как историю демократической революции, видя в нем именно такой исторический смысл⁵⁷.

В послеоктябрьский период были и другие подходы к периодизации, в том числе и к периодизации русской мысли. Одну из них предложил профессор В.В. Сиповский, провозглашавший примат бытия над сознанием, но, вместе с тем, подчеркивавший: «Итак, “ортодоксальный материализм”, в лице его творцов и идеологов, не отрицает за “надстройками” роли факторов, воздействующих на жизнь»⁵⁸. Сиповский признает значение в русской истории христианства, более того, пишет о его решающей роли в истории русской интеллигенции. При этом он посчи-

тал необходимым отметить следующее: “Поворотным пунктом в истории нашего самосознания является Пушкин...”⁵⁹.

В 1920-е годы полной унификации исторических подходов, в том числе и по проблемам периодизации, не было. Когда, например, Общество историков-марксистов достигло в 1929 г. 345 членов, работали в СССР академик С.Ф. Платонов – откровенный монархист, давший свою, трехзвенную периодизацию Смуты, академик Ю.В. Готье, предложивший свою периодизацию ранних периодов истории человечества вплоть до возникновения Древнерусского государства, член-корреспондент АН СССР А.В. Пресняков – сторонник позитивистской социологии, впрочем, после 1917 г. проявивший интерес к российскому революционному движению. Отнюдь не марксистами были и академики Д.М. Петрушевский (директор Института истории РАНИОН), М.М. Богословский и другие. В 20–30-е годы в стране выходили различные исторические журналы – “Историк-марксист”, “Каторга и ссылка”, “Борьба классов”, “Исторический журнал”, “Летопись революции”, “Красная летопись”, “Красный архив”, “Кандальный звон” и пр., на страницах которых выступали разные авторы. Наряду с Институтом истории Коммунистической академии существовали Институт истории РАНОН и Историко-археографический институт АН СССР, результатом объединения которых в 1936 г. стал Институт истории АН СССР.

О серьезных попытках унификации исторической науки в СССР можно говорить лишь в 30-х годах. Связано это было и с известными партийными постановлениями, где имелись и указания по периодизации истории⁶⁰, и с подготовкой к большой войне, и с серьезными внутренними изменениями в стране. В это время обращается особое внимание к преподаванию гражданской истории как в школах, так и в вузах. В связи с этим в 1934–1935 гг. издается журнал “История в средней школе”, в 1936 г. журнал “История в школе”, преемником которых уже в 1946 г. станет журнал “Преподавание истории в школе”, издающийся по настоящее время. Значительное внимание было уделено подготовке учебников и учебных пособий по гражданской истории и истории партии, где бы проводились соответствующие духу времени установки. В 1937 г. вышел “Краткий курс истории СССР” для начальной школы, подготовленный авторским коллективом под руководством видного историка-аграрника, участника декабрьского восстания 1905 г. в Москве А.В. Шестакова. Свою значительную лепту в унификацию исторических знаний внес и известный “Краткий курс истории ВКП(б)”.

Однако при всех попытках создания твердых схем полной унификации в области периодизации достигнуть не удалось. И именно в эту эпоху разразилась наиболее масштабная дискуссия по проблемам периодизации отечественной истории, которая когда-либо проводилась в нашей стране. Начало ее было положено статьями К.В. Базилевича и Н.М. Дружинина, посвященных периодизации истории СССР периода феодализма и капитализма, опубликованных на страницах журнала “Вопросы истории”⁶¹. Всего по проблемам периодизации в журнал из разных городов страны поступило тогда 30 статей, из которых 21 была опубликована. Была также проведена специальная научная сессия в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), и эти проблемы также дебатировались на сессии в Институте славяноведения АН СССР по истории Польши, в Институте истории АН СССР и его Ленинградском отделении. Дискуссия получила резонанс в Болгарии, Чехословакии, Польше, ряд ее статей был переведен на иностранные языки – чешский, польский, немецкий, японский. Ничего подобного не было ни раньше, ни позже.

К.В. Базилевич предложил свою общую и внутреннюю периодизацию феодального периода России, заявленную им “по признаку развития производительных сил и производственных отношений”⁶². Историк предпринимает попытку датировки начального этапа феодального периода в истории страны, выделяет ряд внутренних этапов, отмечает, например, систему феодальных полугосударств, обращает внимание на феодальную войну времен Василия Темного, определяет в качестве переломного внутреннего рубежа 80-е годы XV в., подчеркивая его важную роль в образовании русского централизованного государства. Следующий, третий период истории России эпохи феодализма К.В. Базилевич определяет концом XV–концом XVII в., характеризуя его как время зарождения и развития товарно-денежных отношений (денежная рента) и далее датирует с конца XVII в. начало “нового периода” истории России. Несколько менее подробно характеризовал Базилевич события XVIII в.

В откликах на статью Базилевича выявились и разные подходы, и разные периодизации, предложенные авторами ряда других статей, а также высказаны и многие частные замечания. В связи со смертью в марте 1950 г. сам Базилевич не имел возможности подвести итог дискуссии и ответить своим оппонентам. Итоговую статью по периодизации феодального периода истории России опубликовали В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнин, не согласившись ни со схемой Базилевича, ни со схемой Смирнова⁶³, изложенной последним в отдельной статье⁶⁴. Базилевичу они бросили ряд

упреков, подчеркнув, что он, фактически, построил свою периодизацию на принципе ренты. В заключении своей статьи соавторы предложили свою периодизацию истории России эпохи феодализма, разбив ее на три периода. Первый период, названный ими раннефеодальным, они датировали IX–началом XII в., второй – период развитого феодализма – XII–началом XVII в. и третий – период позднего феодализма – началом XVII в.–1861 г. Второй период они разделили также на две части, первая из которых состояла из шести этапов, а вторая – из трех. Третий период также ими делился на две части, но они ограничились лишь его характеристиками без выделения каких-либо этапов⁶⁵.

Н.М. Дружинин выступил на этой дискуссии как с постановочной, так и с итоговой статьями. Их основной темой была периодизация истории русского капитализма. В первой статье процесс созревания капиталистического уклада, который он датировал 1760–1861 гг., делился на три промежуточных периода: первый – с 1760-х годов до 1789 г., второй – с 1790 по 1825 г. и третий – с 1826 до 1861 г. В основу своего деления Дружинин положил сдвиги социально-экономического характера и особенности классовой борьбы, направленной против разлагающегося феодального строя⁶⁶. Эти же подходы он применил и к эпохе после 1861 г., который он также разделил на три периода. Первый в соответствии с его построением охватывал время с 1861 по 1882 г. второй – с 1883 по 1900 г. и третий – с 1901 по 1917 г.⁶⁷ Важнейшим явлением первого пореформенного периода Дружинин считал замену принудительного труда свободным трудом в промышленности и сельском хозяйстве. Во второй период, по его мнению, фабрика окончательно побеждает мануфактуру, а в сельском хозяйстве капиталистическая система наемного труда стала преобладать над феодальными “отработками”. Третий период – это период империализма с соответствующими его чертами. Дружинин называет его военно-феодальным империализмом. Автор обращает внимание и на возможность более дробного деления истории русского капитализма, демонстрируя его соответствующими конкретными примерами⁶⁸.

В другой своей статье по проблеме периодизации, Дружинин с учетом всех высказанных мнений, с одной стороны, отвечал своим оппонентам, с другой – уточнял свою позицию. Он остановился на важных проблемах “дробления” и “соединения” исторических периодов и подчеркнул, что “наибольшие споры развернулись вокруг вопроса, каким моментом следует датировать начало капиталистического уклада, то есть того периода, когда феодальные производственные отношения стали “непреодолимой”

преградой, оковами для развития производительных сил и производственных отношений нового общества?”⁶⁹. По вопросу начальной даты капиталистического уклада, действительно, выявился чрезвычайный разброс мнений – одни его относили к XVII в., другие к началу XIX, третьи, склонявшиеся к XVIII в., тоже не были абсолютно едины, выделяя то середину века, то 60-е годы, то последнюю его треть, то его конец. В этом была заложена другая острая дискуссия советской исторической науки, начатая еще раньше, в 1947–1948 гг. – о так называемом раннем или более позднем генезисе капитализма в России. Впоследствии представителями первого были А.А. Преображенский, Е.И. Индова, Ю.А. Тихонов, а второго – И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов. Каждое из этих направлений имело также своих сторонников и противников.

Н.М. Дружинин дал также ряд пояснений в пользу своей периодизации, при этом подчеркнул: “Дискуссия показала, что сложная проблема периодизации истории СССР может быть разрешена только общими усилиями специалистов, изучающих различные общественные формации”⁷⁰, то есть он выступал последовательным сторонником формационного подхода. Собственно никто против этого подхода в дискуссии не выступал, и им пронизана заключительная редакционная статья журнала, в которой подводились общие итоги дискуссии. В ней отмечались определенные достижения дискуссии, например, обсуждение принципов периодизации, стремление определить более крупные и более дробные периоды каждой формации, обмен мнениями по генезису феодализма и капитализма, выявление особенностей русского феодализма и капитализма. Отмечалось также, что IX–X вв. н.э. в истории славянских народов являются отнюдь не временем начала дофеодального периода, истоки которого могут быть отнесены к VII–VIII, а, может быть, к VI–VII вв.⁷¹ Отмечался также отрыв отечественной истории от мировой, более того, такой отрыв назывался крупным недостатком дискуссии. Примечательное единодушие было высказано разве в том плане, что 1800 г. не может служить вехой между двумя этапами возникновения капиталистических отношений. Вместе с тем, подчеркивалось, что лишь по некоторым из крупных вопросов истории страны “в процессе дискуссии наметились более или менее общие точки зрения”. Подчеркивались значительные разногласия между историками и необходимость пересмотра существовавшей тогда периодизации, сложившейся в годы критики взглядов “школы” Покровского, не отвечавшей потребностям научно-исследовательской работы и преподаванию истории в средней и

высшей школе⁷². Дискуссия также со всей убедительностью показала, что общепринятая или широко принятая периодизация может быть лишь результатом научного компромисса, своеобразным общественным договором.

Эта дискуссия способствовала утверждению советской периодизации, что получило свое разрешение при подготовке многотомников по “Всемирной истории”, “Истории СССР”, “Советской исторической энциклопедии”, “Очерков истории исторической науки в СССР”. Была отработана общая периодизация всемирно-исторического процесса, в соответствии с которой переход от рабовладельческого строя к феодальному имел место в V в., то есть после падения Римской империи, новая история датировалась серединой XVII в. – после Английской революции, а новейшая история, понятие вошедшее в употребление в XX в., в соответствии с советской периодизацией начиналась с 1917 г. – после Октябрьской революции. Но и после утверждения этой схемы разработка проблем периодизации и тесно связанных с ней вопросов методологии не прекратилась⁷³. Следует также отметить поиски в области методологии истории в трудах Б.Ф. Поршнева, предложившего использовать наряду с пятизвенной формационной системой также и трехзвенную М.А. Барга, Ю.И. Семенова и др. Привлекает также внимание и специальная статья Б.Ф. Поршнева о проблемах периодизации⁷⁴. Нередко вносились поправки и сравнительно частного характера. Например, в рамках известной дискуссии о генезисе капитализма в России в IV томе многотомного академического издания “История СССР”, давалась периодизация от середины 90-х годов XVIII в. до середины 50-х годов XIX в., то есть в плане политической истории периодизация начиналась с правления Павла I⁷⁵, и это порождало вопрос о том, чем эта веха убедительнее 1800 г., от которого открещивались во время упомянутой дискуссии.

В целом периодизация всемирной, да и отечественной истории на формационной основе к середине 80-х годов XX в. достаточно устоялась. Но уже в годы так называемой Перестройки, поначалу как бы невзначай, подспудно, ненавязчиво было предложено опробовать и другие подходы. Лозунг плюрализма был уже выдвинут и пользовался большой популярностью. Было решено предложить опробовать плюрализм и в методологии. И через несколько лет советская методология подверглась остракизму. Порухена была и отечественная периодизация, буквально пострадавшая советскими историками и, кстати, имевшая хождение и нередко понимание за рубежом. Была взята на вооружение книга К.Р. Поппера “Нищета историцизма”, где объявлялась

война не только формационному, но и любому другому стадияльному и линейному подходу к истории и которую поспешили перевести на русский язык⁷⁶. Опомнились вроде бы тогда, когда наступила чуть ли не полнейшая анархия и в методологии, и в периодизации.

Действительно, поначалу был отмечен заметный поворот в сторону изучения цивилизационных подходов, который вполне мог быть объяснен потребностями исторической науки и желанием выйти из под влияния одной методологии. Хотя марксизм отнюдь не был чужд проблеме цивилизации как таковой⁷⁷, к теории цивилизаций и цивилизационному подходу обратились исследователи прежде известные своим формационным подходом⁷⁸. Один из них, М.А. Барг, отметив то, что формационное объяснение *«не может претендовать на глобальность и тем самым на “исчерпывающий” его характер»*, также подчеркивал: *“Периодизация истории, базирующаяся на типологии цивилизации, рассматривает каждую цивилизацию как неповторимый культурно-исторический тип общества и привносит в понятие исторического прогресса элемент относительности”*⁷⁹.

Но по мере применения цивилизационного подхода к периодизации всемирной и отечественной истории исследователи и методисты стали ощущать все новые и новые проблемы. Той четкости и определенности, которая наблюдалась при формационном подходе, не получалось и наиболее ищущие историки стали ощущать потребность в подлинно научных основах для изучения исторического процесса. Это стало причиной проведения двух дискуссий, органически между собой связанных. Первая из них касалась проблем методологии, вторая – периодизации всемирной истории. В обеих дискуссиях особую роль сыграл журнал *“Новая и новейшая история”*. В 1994 г. на его страницах была опубликована статья И.Н. Ионова – искреннего и убежденного цивилизационщика, пришедшего к цивилизационному подходу, отнюдь, не по воле моды. По-видимому, именно к такому исследователю решила обратиться редколлегия журнала. Изложив проблемы теории цивилизаций, автор по- существу сделал следующий откровенный вывод: *“Вы слишком многое от нас требуете”*⁸⁰. Кстати, И.Н. Ионов стал автором учебника для средней школы, где он попытался применить к истории России именно цивилизационный подход⁸¹.

Статья И.Н. Ионова породила дискуссию в области методологии истории. С основательной статьей выступил академик И.Д. Ковальченко. Подчеркнув, *“что цивилизационный подход, интегрируя в себе другие подходы и методы исторического*

исследования, открывает широкие возможности для их углубления”, он выступил за применение и других подходов⁸², которые он определил как *историко-ситуационный* и *историко-ретроспективный*. Ковальченко призвал к синтезу теорий, подходов и методов и конкретно-научных концепций. Участие в этой дискуссии приняли и академик-юрист В.Н. Кудрявцев⁸³ и ряд других исследователей. К дискуссии тогда фактически примкнул и журнал “Вопросы истории”, поднявший близкие вопросы⁸⁴. Приняли участие в дискуссии и философы, которые провели свои “круглые столы”, опубликовав соответствующие материалы и подчеркнув, что формационный подход сохраняет свои позиции в исторической науке⁸⁵. К подобным выводам пришли они и во время “круглого стола”, проведенного в конце 1995 г. в Институте философии РАН, результаты которого также были опубликованы в печати. На этом обсуждении В.Г. Федотова прямо заявила, что “стадиальные характеристики, выражающие степень развития общества или нахождение его на определенной стадии развития человечества, по-прежнему сохранились и признаны в мире”⁸⁶. Она, таким образом, взяла под защиту формационный подход, но отметила также необходимость его дополнения цивилизационным подходом, подчеркнув при этом: “Методологической базой всемирной истории должен стать принцип единства стадиального и цивилизационного”⁸⁷. С мнением В.Г. Федотовой, а также со статьей И.Д. Ковальченко, практически, согласились и другие участники этого “круглого стола” (В.Ф. Мамонов, К.А. Зуев, И.А. Желенина), отмечая при этом кризис исторической науки и сложности у формационного подхода.

Если учесть, что наряду с трудами участников этой дискуссии продолжали выходить специальные труды, посвященные формационному подходу или напрямую, или в значительной степени⁸⁸, то можно сказать, что в отечественной обществоведческой литературе и после 1991 г. не было полного отхода от изучения этого подхода. Наука продолжала существовать, она пошла одним путем, а учебно-методическая литература, как правило, – другим. И подтверждением тому стала другая дискуссия того времени, непосредственно посвященная проблемам периодизации, тесно связанная с дискуссией о методологии истории.

Еще в процессе обмена мнениями особое внимание было уделено статье Б.Д. Козенко и Г.М. Садовой, которая была признана центральной в этой дискуссии. Ее авторы категорически выступили как против призывов отказаться от периодизации вообще, так и от тезиса “сколько исследователей – столько периодизаций”. Обращаясь к периодизации новой и новейшей исто-

рии они приходят к выводу, что три периода формационной истории почти полностью совпадают с тремя периодами развития мировой цивилизации (при этом они подчеркивают совпадение в общем формационного и цивилизационного подходов) и далее эти периоды выделяют. Первый из них, который назван ими периодом формирования капитализма и буржуазной цивилизации, то есть первый период новой истории, датируется 1640–1649 с одной стороны, и 1789–1815 гг., с другой. Соответственно второй период они располагают между 1789–1815 и 1914 гг. Называют они его периодом победы и утверждения капитализма и началом перехода от стадии промышленного капитализма свободной конкуренции к империализму. И третий период – период новейшей истории они начинают с 1914–1923 гг. Он у них называется периодом становления и расцвета современного капитализма и сосуществования его с социализмом, периодом кризиса мировой цивилизации⁸⁹.

Статья Б.Д. Козенко и Г.М. Садовой, в целом, вызвала одобрение специалистов по всеобщей истории. Но при ее обсуждении выявился и довольно значительный разброс мнений. Примечательны, например, выступления псковских историков, посвятивших этой проблеме специальный “круглый стол”. На нем высказывались разные соображения и по началу новой истории, и по грани 1789–1815 гг., и по началу новейшей истории, в частности, началом новейшей истории предлагалось считать окончание Первой мировой войны, то есть 1918 г.⁹⁰ В целом дискуссия в журнале “Новая и новейшая история” за 1993–1997 гг. выявила два подхода к началу новейшей истории. В соответствии с мнением одних авторов, это начало следует отнести к 1917 г., а по мнению других – к 1918 г. Всего лишь один год, но он отражал разные методологические подходы и, конечно, отражал принципиальный характер дискуссии. В общем, дискуссия как дискуссия. Кое в чем мнения совпадали, но, нередко, высказывались и разные соображения, даже противоположные. Но это научные дискуссии. В учебной литературе картина сложилась более пестрая и, можно сказать, удивительная. Многие десятки учебников и учебных пособий несли отпечаток весьма различных мнений их авторов, страдая явной несогласованностью. Хотя множество учебников – это плохо, но было бы еще хуже, если бы был один учебник, построенный на ложных схемах. И, тем не менее, историческое хозяйство оказалось явно неорганизованным, хотя многих нестыковок вполне можно было бы избежать.

Как уже отмечалось в литературе, в процессе многочисленных обменов мнениями выявились три основные точки зрения по

поводу начала новой истории. Первая – Английская революция XVII в., вторая – Великая французская революция, третья – Великие географические открытия и начало Реформации, то есть конец XV–начало XVI в.⁹¹ Ничего нового здесь не было, эти соображения высказывались и раньше и получили отражение в отечественной науке. Однако, основная борьба развернулась не в этой области, а прежде всего, вокруг стыка новой и новейшей истории. И вот здесь и сложилась весьма пестрая картина, которую можно пронаблюдать, обратившись к последним учебникам по новой и новейшей истории. Министерский учебник для вузов по новой истории доводил изложение событий до окончания Первой мировой войны, то есть до ноября 1918 г.⁹² А другой, тоже министерский учебник, но по новейшей истории изложение событий начинал с 1900 г.⁹³ В учебнике по новейшей истории для средних школ (тираж 150 тыс. экз.!), также одобренном министерством, за начало новейшего времени брался 1914 г.⁹⁴, с 1914 г. начинают новейшее время и авторы министерского учебника по истории славян⁹⁵, а в учебном пособии видного специалиста по новейшей истории Е.Ф. Язькова – с 1918 г.⁹⁶ В учебнике по обществоведению, рекомендованном министерством, где подробно рассказывалось о цивилизациях и их смене, лишь упоминается термин “формации”⁹⁷, без их перечисления. Говоря же довольно подробно о “революции” в России на рубеже XVII–XVIII вв., то есть о петровских преобразованиях, опять-таки лишь упоминалась революция 1917 г., даже без соответствующего ее названия⁹⁸.

О 1917 г. как о начале новейшей истории не говорится ни в одном современном учебнике по зарубежной истории, хотя его роль отмечалась и в дискуссии по периодизации и, например, в монографии Ю.И. Семенова, предложившего свою периодизацию мировой истории⁹⁹. Б.Д. Козенко и Г.М. Садовая в упоминавшейся статье, говоря об Октябрьской революции, подчеркивали, что “всемирно-историческое значение этой революции не может быть оспорено”¹⁰⁰. Близок к ним по оценке этой революции и Е.Ф. Езьков, отметивший: “...существовавшая с давних пор социалистическая идея, вновь выдвинутая в 1917 г. Октябрьской революцией, сыграла важнейшую роль в общественном прогрессе в XX в.”¹⁰¹.

Отказ от 1917 г. в учебных пособиях объяснялся известными причинами, прежде всего разрушением СССР. Отказались и от важнейшей характеристики новейшей истории как противостояние двух систем – капиталистической и социалистической. Но это настроение диктовалось состоянием момента. Биполярный мир

лишь ненадолго сменился однополярным и затем превратился в многополярный. А социалистическая система все-таки сохранилась. В Китае – второй экономике мира, в ближайшее время могущей стать первой, все-таки проживает 1,3 млрд человек, к 100 млн человек приближается население социалистического Вьетнама, о необратимости социализма на Кубе заявляет кубинское руководство и нельзя не видеть заметного “покраснения” Латинской Америки. Так называемая четвертая консервативная волна, начавшаяся в конце 70-х годов и связанная с именами М. Тэтчер, Р. Рейгана и Д. Буша-старшего, сменилась сначала либеральной, а сейчас и левой волной. Левая идея, пережив испытания 80-х–90-х годов, с начала XXI в. вновь заявила о себе, и эти изменения уже отражены не только в публицистике, но и в научной литературе¹⁰². А.А. Галкин даже утверждает, что “социальное и политическое поле приложения левых ценностей не только сохранилось, но, в ряде случаев, стало еще шире, чем прежде”¹⁰³. Во всяком случае, главнейшая характеристика новейшей истории как противостояния капитализма и социализма, доминировавшая в советской литературе, отнюдь, не потеряла своей актуальности, и предлагающиеся вехи – 1900 и 1914 гг. никак не подходят для начала этой эпохи. Никаких структурных изменений социально-экономического и политического плана они не внесли. Их внесло окончание Первой мировой войны, когда пали четыре монархии, прямо повинные за ее начало и сменившиеся рядом республик.

Говоря же о периодизации новой и новейшей истории, считаем ее крайними датами с одной стороны, 1649 г., с другой – 1917–1918 гг. Ее можно разделить на три периода, первый до 1789 г., второй до 1870 г. и третий до начала новейшей истории. Новая история – это история победы и становления третьего сословия, то есть буржуазии и ее история – это история капитализма. Великие географические открытия и Реформация еще не привели к господству буржуазии. Нидерландская революция, прежде всего являлась войной за независимость, и победа буржуазных отношений носила тогда все-таки региональный характер. Другое дело Английская революция, давшая сильнейший толчок для всемирного промышленного развития и выдвинувшая Атлантическую цивилизацию на передовые позиции, сменив тем самым Средиземноморскую цивилизацию, до этого господствовавшую несколько тысячелетий. Термин капитализм, как бы его не пытались изгнать, является термином мировой литературы¹⁰⁴. И новейшая история это период противостояния и сосуществования социализма и капитализма. Новейшая история также может

быть разделена на три периода – 1917–1945 – первый, 1945–1991 – второй и третий – после 1991 г. Этапы понятные и не нуждающиеся в дополнительной характеристике. Все они тесно связаны с историей нашей страны.

Переходя же к учебникам и учебным пособиям по истории Отечества, отметим их чрезвычайно большое число и не меньшую хронологическую пестроту, чем у учебников по истории зарубежной. Наиболее распространенный из них министерский трехтомник отличается основательностью, но и для него характерна определенная хронологическая нестыковка. Уже в первом его издании второй том завершался условно 1900 г., а третий том, фактически, начинался с 1917 г.¹⁰⁵ Вообще в ряде учебников наметилась тенденция начинать новейшую историю страны с 1900 г. Но учебники и пособия и по сей день разные. К разряду добротных можно отнести учебник А.А. Преображенского и Б.А. Рыбакова по истории России для 6–7 классов, и где исторические события в хронологическом плане излагаются до XVIII в. включительно¹⁰⁶. В упоминавшемся учебнике И.Н. Ионова изложение материала доводится до 1917 г., и его автор при этом применяет термин “Февральская революция” и “Октябрьский переворот”. Не он один. Попытались даже взять в союзники В.И. Ленина, как-то применившего по отношению к Октябрю термин переворот, но он разумел под ним не верхушечный, а революционный переворот. Вообще, Ленин уже днем 25 октября 1917 г. на заседании Петроградского совета заявил о том, что в России произошла революция, а на другой день, в “Докладе о земле” именно Ленин применил термин “вторая, Октябрьская революция”¹⁰⁷. Вообще, попытка заменить революцию на переворот относилась к одному из штампов, который стремились навязать отечественной исторической науке. Как и штамп о двух тоталитарных системах, выдвинутый немецким экономистом В. Репке еще в 1945 г. в его книге “Германский вопрос”¹⁰⁸, хотя ни кто иной как каудильо Ф. Франко противопоставлял тоталитаризм коммунизму, а У. Черчилль в октябре 1939 г, то есть после “Советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.” говорил, что “лучше коммунизм, чем нацизм”¹⁰⁹.

Справедливости ради следует заметить, что не все учебники и учебные пособия попали под влияние этого штампа. В пособии, подготовленном преподавателями Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова одна из трех его частей называется “Советский период в российской истории”, и первый же ее раздел носит название “Октябрьская революция 1917 года в России: проблемы и оценки”¹¹⁰. Специальный раздел “Октябрьская револю-

ция и политика большевиков в первые годы советской власти” имеется и в пособии под редакцией В.В. Керова¹¹¹. Подобный раздел под названием “Октябрьская революция, ее особенности и историческое значение” имеется и в допущенном министерством учебнике для негуманитарных вузов под редакцией Л.И. Ольштынского, подготовленного с формационно-цивилизационных позиций¹¹².

Вне зависимости от оценки Октябрьской революции она была важным переломным этапом в истории страны. Появилась другая страна, с другим названием, с другой социальной структурой и политическим устройством, с другой культурой, да и с другим народом, не случайно вскоре заговорили о советском народе как о психологической и исторической общности. Все попытки представить советский период в черном свете носят не исторический характер и вызывают прямое противодействие многих исследователей и методистов. Не случайно некоторые из них считают “революцию в России началом формирования нового типа цивилизации – цивилизации свободных тружеников и свободных народов”¹¹³ или издают специальные книги о советской цивилизации, такие как двухтомник С.Г. Кара-Мурзы¹¹⁴.

С 1917 г., несомненно, следует начинать новейшую историю России. Что же касается ее новой истории, то и тут существуют различные мнения среди историков. Историю русского Нового времени обычно начинают с 1861 г., но о действительной победе капиталистических отношений можно говорить разве что с 90-х годов XIX в. Не случайно такой крупный знаток русской экономики как В.П. Воронцов в своей работе 1882 г. “Судьбы капитализма в России” отрицал наличие русского капитализма, а в другой работе “Судьба капиталистической России”, вышедшей уже в 1907 г., вынужден был признать его наличие. Новая история России и история победившего капитализма в России не одно и то же. В общемировом масштабе это так, но Россия как догоняющая страна имела большую специфику. Интересно в этом отношении вспомнить известную полемику Н.М. Дружинина с П.Г. Рындинским. Павел Григорьевич считал, что промышленному перевороту обязательно должен предшествовать переворот социальный и поэтому относил его к периоду после 1861 г. Николай Михайлович признавал приоритет социального переворота, но подчеркнул, что это правило действует во всемирно-историческом плане. Россия же как страна догоняющая имела возможность использовать достижения более передовых стран еще на стадии феодализма. Поэтому он относил начало промышленного переворота уже к концу 30-х годов XIX в.¹¹⁵

Новое время в России, конечно, наступило раньше 1861 г. Но убедительную точку отсчета найти очень нелегко. Одного наемного труда здесь мало, параллельно развивались и крепостнические отношения. Поэтому надо начинать не только с выявления капиталистического уклада, но и с заметного ограничения крепостничества. Павел I подписал указ о трехдневной барщине, но параллельно раздал 500 тыс. крестьян в частные руки. Он боролся с “духом времени” и даже запретил использовать такие слова как “гражданин”, “общество” и т.п. Не с него начинается новая история в России. Значительно больше подходит время с 1801 г. Последовал указ о свободных хлебопашцах, прекращается раздача населенных земель частным лицам, запрещается жестокое обращение с крепостными. Сам Александр I неоднократно призывал прислушиваться к “духу времени” и быть либералами и он, действительно, первое время был либералом на русском престоле. Не случайно в послевоенное время в некоторых пособиях по истории СССР новое время начинали с 1801 г. Заметное внимание этому уделяется в учебнике И.Н. Ионова¹¹⁶, хотя следует подчеркнуть немалое отличие либерализма молодого императора от действий Екатерины II. Екатерина раздала частным лицам 850 тыс. крестьян. Тут до либерализма очень далеко. Так что, на наш взгляд, новое время в России это период с 1801 по 1917 г.

По поводу периодизации имеются и некоторые, на первый взгляд, частные замечания. Никак нельзя согласиться с утверждением о начале Второй мировой войны с 1 сентября 1939 г. В отличие от Первой мировой войны, которая была одномоментным актом и датируется 1 августа 1914 г. начало Второй мировой войны было процессом и на это уже было обращено внимание и в современной литературе¹¹⁷. Но в пособиях для учащихся с этой позиции выступает разве что учебник под редакцией Л.И. Ольштынского¹¹⁸. После войны в советских учебниках начало Второй мировой войны относили к 1936 г. – поскольку военные действия, разворачивались, в Азии, Африке, Европе (в Испании шла не только гражданская война, но там также столкнулись силы иностранного фашизма и демократии). Кстати, И.В. Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г., в самом его начале, подчеркивал: “Уже второй год идет новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения”¹¹⁹. Признавая дату 1 сентября мы, фактически, признаем равную ответственность за развязывание Второй мировой войны и за фашистской Германией, и за СССР. Но реалии были совсем другие. Война, действительно, уже шла.

Таким образом, пренебрежение к научной периодизации может нас завести очень далеко. Можно обратиться и к другим проблемам внутренних периодизаций, но это все-таки особый вопрос. Периодизация – это не излишество и не прихоть. Но искания последних двадцати лет не всегда были плодотворными. Порой они уводили от истины, хотя на наш взгляд, показали, как основательно и глубоко была продумана отечественная периодизация и всемирно-исторического процесса, и нашей истории в отечественной литературе, существовавшей к середине 80-х годов XX в. Отечественные историки должны набраться мужества и признать, что ничего более совершенного, чем предложили советские исследователи в области периодизации они не нашли. Блудный сын должен вернуться к родному очагу. Попперы и прочие подобного рода иноземцы не могут служить для нас указом. Погоня за модой привела к слишком большим издержкам, в том числе и к исторической безответственности. Отечественная история, как отмечал Н.М. Карамзин, а до него М.В. Ломоносов, особенно тонкая материя, играющая воспитательную роль и призванная формировать патриотов своей страны.

- 1 Сокращенный вариант данной статьи опубликован в журнале “Отечественная история”. 2007. № 3. С. 122–139.
- 2 Фукидид. История. М., 1915. Т. 1. С. 16.
- 3 Соболевский С.И. Плутарх // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. М., 1961. Т. I. С. 464–465.
- 4 Письма Плиния Младшего. М., 1984. Письма I–X. С. 88.
- 5 См.: Ливий Т. Римская история от основания города / Пер. с лат. Под ред. П. Адрианова. М., 1892–1899. Т. 1–6.
- 6 См.: Анниан. Гражданские войны. Пер. с лат. / Под ред. С.А. Жебелева. Л., 1935.
- 7 Гаспаров М.Л. Овидий в изгнании // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1979. С. 189, 217.
- 8 См.: Герье В.И. Блаженный Августин. М., 1910. Ч. I.
- 9 Семенов Ю.И. Философия истории. От истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 57–63.
- 10 Касьянов Э.И. К вопросу о всемирно-исторической концепции Оттона Фрейзингенского // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1964. Вып. 2. С. 27.
- 11 Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 63.
- 12 См.: Бодэн Ж. Метод легкого познания истории / Пер., вступ. ст., примеч. М.С. Бобковой. М., 2000.
- 13 Current R.N., Williams T.H., Freidel F. American History: A Survey. Fifth Edition. N.Y., 1979. P. 6–10.
- 14 См.: Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций / Вступ. ст. М.А. Лифшица. М., 1940.
- 15 Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 69.
- 16 Гердер И.Г. Идеи к философии человечества. М., 1977. С. 8.
- 17 Там же. С. 439.

- 18 Кучеренко Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975. С. 76–77.
- 19 Волгин В.П. Сен-Симон и сен-симонизм // Волгин В.П. Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. М., 1976. С. 145–219; Застенкер Н.Е. Анри де Сен-Симон // Застенкер Н.Е. Очерки истории социалистической мысли. М., 1985. С. 225–243; Кучеренко Г.С. Указ. соч.
- 20 Волгин В.П. Пьер Леру-один из эпигонов сен-симонизма // Волгин В.П. Очерки. С. 220
- 21 Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 188.
- 22 См.: Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977.
- 23 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 5–9.
- 24 Huntington S. Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer. 1993.
- 25 См.: Тойнби А.Дж. Постыжение истории. М., 1991.
- 26 Коллинз Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 152–158.
- 27 Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1995. Т. 3. С. 429–431.
- 28 См.: Татищев В.Н. История Российская в 7 томах. М.; Л., 1962–1968. Т. 1–7.
- 29 Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 14.
- 30 Там же. С. 21.
- 31 Соловьев С.М. Соч. М., 1988. Кн. I. Т. 1–2. С. 51.
- 32 Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. XVI. С. 309–310.
- 33 Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1987. Т. I. С. 50–51.
- 34 Там же. С. 53.
- 35 Александров В.А. Послесловие // Ключевский В.О. Соч. Т. I. С. 368.
- 36 Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1988. Т. III. С. 5.
- 37 Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 62–66.
- 38 Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 5.
- 39 Там же. С. 5–10.
- 40 Белларминов И. Элементарный курс всеобщей и русской истории // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С. 59.
- 41 См.: Иловайский Д.И. // Новый энциклопедический словарь. СПб, б/г. Т. 19. С. 214–215.
- 42 Колосова Э. Исторические взгляды Д.И. Иловайского и Н.П. Барсукова. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- 43 Дурновцев В.А., Бачинин А.Н. Ученый грызун: Дмитрий Иванович Иловайский // Историки России. XVIII–начало XX века. М., 1996. С. 375.
- 44 Иловайский Д. Краткие очерки русской истории // Учебники дореволюционной России... С. 183.
- 45 Лавров П.Л. (Миртов П.). Исторические письма. Пг., 1917.
- 46 Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1965. С. 44.
- 47 Там же. С. 47–48.
- 48 Шишко Л. Рассказы из русской истории. М., 1991. С. 354.
- 49 См.: Паиццо В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992.
- 50 Плеханов Г.В. (Н. Бельтов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1938. С. 138.
- 51 Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма. М., 1938. С. 136
- 52 См.: Маслов Н.Н. Ленин как историк партии. Л., 1964; Найденов М.Е. В.И. Ленин и отечественная история (Формирование ленинской концепции русского исторического процесса) // История СССР. 1965. № 2; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3; Покровский М.О. Ленин и исто-

- рия // *Борьба классов*. 1931; *Ростунов И. В.И.* Ленин и военная история // *Военно-исторический журнал*. 1960. № 4; *Сахаров А.М.* В.И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России // *Вопросы истории*. 1960. № 4 и т.д.
- 53 *Справочный том к Полному собранию сочинений В.И. Ленина*. М., 1972. Ч. 1. С. 207.
- 54 *Покровский М.* О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // *Борьба классов*. 1931. № 2.
- 55 *Волобуев О. Н.А.* Рожков – методист-историк // *Уч. зап. Московск. обл. пед. ин-та*. М., 1965. Т. 121.
- 56 *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Пг.; М., 1922. Т. 4. Ч. I. С. 5
- 57 Там же. Т. 10. С. 5.
- 58 *Сиповский В.В.* Этапы русской мысли. Пг., 1924. С. 6.
- 59 Там же. С. 11.
- 60 *Сталин И., Киров С., Жданов А.* Замечания о конспекте учебника новой истории // *Сталин И.В.* Соч. М., 1997. Т. 14. С. 44; *Сталин И.* Об учебнике истории ВКП(б) // *Сталин И.* Соч. Т. 14. С. 210–213.
- 61 *Базилевич К.В.* Опыт периодизации истории СССР феодального периода // *Вопросы истории*. 1949. № 11. С. 65–90; *Дружинин Н.М.* О периодизации истории капиталистических отношений в России // *Вопросы истории*. 1949. № 11. С. 90–106.
- 62 *Базилевич К.В.* Указ. соч. С. 89.
- 63 *Пашуто В., Черепнин Л.* О периодизации истории России эпохи феодализма // *Вопросы истории*. 1951. № 2. С. 53.
- 64 См.: *Смирнов И.И.* Общие вопросы периодизации истории СССР // *Вопросы истории*. 1950. № 12.
- 65 *Пашуто В., Черепнин Л.* Указ. соч. С. 78–80.
- 66 *Дружинин Н.М.* О периодизации истории капиталистических отношений в России // *Дружинин Н.М.* Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 152.
- 67 Там же. С. 159.
- 68 Там же. С. 166–167.
- 69 *Дружинин Н.М.* О периодизации истории... С. 183.
- 70 Там же. С. 200.
- 71 Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР // *Вопросы истории*. 1951. № 3. С. 56.
- 72 Там же. С. 54.
- 73 См.: *Жуков Е.М.* О периодизации всемирной истории // *Вопросы истории*. 1960. № 8; *Он же.* Очерки методологии истории. М., 1980; *Дьяков В.А.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974; *Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974; *Проблемы социально-экономических формаций*. М., 1975; *Никифоров В.Н.* Указ. соч.; *Философия и методология истории* (Сб. ст.). М., 1977; *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; *Социально-экономические формации. Проблемы теории*. М., 1978; *Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история. М., 1981; *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984; *Периодизация всемирной истории* (учебное пособие). Казань, 1984; *Иванов В.В.* Методология истори-

- ческой науки. М., 1985; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; Вариантность прошлого: методологические аспекты. М., 1989; Б.Г. Могильницкий. Введение в методологию истории. М., 1989.
- 74 *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса // *Философские науки.* Научные доклады высшей школы. М., 1969. № 2. С. 56–64.
- 75 *История СССР с древнейших времен до наших дней.* М., 1967. Т. IV. С. 7.
- 76 *Popper K.* The poverty of historicism. L., 1967; *Поннер К.К.* Нищета историцизма. М., 1993.
- 77 См.: *Цивилизация и культура в историческом процессе.* М., 1983; *Цивилизация как проблема исторического материализма.* М., 1983. Ч. 1–3; *Цивилизация и исторический процесс.* М., 1983; *Рейснер Л.И.* “Цивилизация” и “формация” в обществах Востока и Запада // *Азия и Африка сегодня.* 1984. № 6. С. 22–25.
- 78 *Барз М.А.* О категории “цивилизация” // *Новая и новейшая история.* 1990. № 5. С. 25–40; *Он же.* Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование к науке // *Коммунист.* 1991. № 3. С. 27–35; *Он же.* Категория “цивилизация” как метод сравнительно-исторического исследования (Человеческое измерение) // *История СССР.* 1991. № 5. С. 70–85; *Цивилизации.* М., 1992–1993. Вып. 1–2; *Ерасов Б.С.* Проблемы теории цивилизаций // *Новая и новейшая история.* 1995. № 6. С. 181–187; *Шемякин Я.Г.* Проблема цивилизаций в советской научной литературе 60–80-х годов // *История СССР.* 1991. № 5. С. 86–103; *Гуревич А.Я.* Теория формаций и реальность истории // *Вопросы философии.* 1990. № 11; *Альтернативные пути к цивилизации /* Под ред. Н.Н. Крадина и др. М., 2000.
- 79 *Барз М.* Цивилизационный подход к истории... С. 29, 35.
- 80 *Ионов И.Н.* Теория цивилизаций: этапы становления и развития // *Новая и новейшая история.* 1994. № 4–5. С. 33–50.
- 81 *Ионов И.Н.* Российская цивилизация IX–начало XX века. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М., 2001.
- 82 *Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // *Новая и новейшая история.* 1995. № 1. С. 31–32.
- 83 *Кудрявцев В.Н.* Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // *Новая и новейшая история.* 1995. № 3. С. 3–7.
- 84 *Ланда Р.Г.* Восток: цивилизация, формация, социум // *Вопросы истории.* 1995. № 4. С. 47–56; *Черняк Е.Б.* История и логика (структура исторических категорий) // *Вопросы истории.* 1995. № 10. С. 29–43.
- 85 См.: *Актуальные проблемы теории истории // Вопросы философии.* 1994. № 6.
- 86 *Федотова В.Г.* Методология истории сегодня // *Новая и новейшая история.* 1996. № 6. С. 60.
- 87 Там же. С. 61.
- 88 *Иноземцев В.* Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996; *Гобозов И.А.* Введение в философию истории. М., 1999; *Семенов Ю.И.* Указ. соч.; *Коломийцев В.Ф.* Методология истории (От источника к исследованию). М., 2001.
- 89 *Козенко Б.Д., Садовая Г.М.* О периодизации новой и новейшей истории в свете современных трактовок // *Новая и новейшая история* 1993. № 4. С. 96.
- 90 “Круглый стол”. Проблемы периодизации новой и новейшей истории // *Новая и новейшая история.* 1995. № 1. С. 77–84.

- 91 Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945). Курс лекций. М., 1998. С. 7.
- 92 Новая история стран Европы и Америки. Второй период / Под редакцией И.М. Кривогуза и Е.Е. Юровской. М., 1998. С. 3, 252.
- 93 Новейшая история стран Европы и Америки. XX век: В двух частях. Ч. 1: 1900–1945 / Под ред. А.М. Родригеса и М.В. Пономарева. М., 2001. С. 6.
- 94 Кредер А.А. Новейшая история. 1914–1945 гг. Учебник экспериментальный для средней школы IX–X класс. М., 1994. С. 5.
- 95 История южных и западных славян. Т. 2. Новейшее время / Под ред. Г.Ф. Матвеева и З.С. Ненашевой. М., 1998. С. 3.
- 96 Язьков Е.Ф. Указ. соч. С. 5–6.
- 97 Человек и общество. Учебное пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений / Под. ред. Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой. М., 1998. С. 178.
- 98 Там же. С. 241–242, 249.
- 99 Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 280–284.
- 100 Козенко Б.Д., Садовая Г.М. Указ. соч. С. 94
- 101 Язьков Е.Ф. Указ. соч. С. 26
- 102 Галкин А.А. Пути и перепутья левой идеи // Новая и новейшая история. 2006. № 4. С. 35–49.
- 103 Там же. С. 49.
- 104 См.: Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993; Сорос Д. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999; Лужков Ю.М. Развитие капитализма в России. 100 лет спустя. М., 2005.
- 105 См.: Буганов В.И., Зырянов П.Н. История России: конец XVII–XIX век. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М., 1995; Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век. Учебное пособие для общеобразовательных учебных заведений. 11 класс. М., 1995.
- 106 См.: Преображенский А.А., Рыбаков Б.А. История России. Учебник для 6–7 классов общеобразовательных учреждений. М., 1997.
- 107 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 14–27.
- 108 Абуш А. Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. М., 1962. С. 284.
- 109 Ржешевский О. Знали: отступить придется // Поиск. 2006. № 24 (890). 16 июня С. 16.
- 110 История России / Под ред. Ш.М. Мунчаева. М., 1993. С. 211–234.
- 111 Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века / Под ред. В.В. Керова. М., 2004. С. 587–602.
- 112 Курс отечественной истории IX–XX веков. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе / Под ред. Л.И. Ольштынского. М., 2005. С. 254–274.
- 113 Там же. С. 271.
- 114 Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2001. Кн. 1–2.
- 115 Рындзюнский П.Г. Вопросы истории русской промышленности в XIX в. // История СССР. 1972. № 5. С. 40–58; Он же. Мануфактура и фабрика в экономической истории России XIX века (Ответ академику Н.М. Дружинину) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. обществ. наук. 1975. № 1. С. 30–36; Дружинин Н.М. К вопросу о генезисе капитализма в России // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. обществ. наук. 1974. № 1. С. 3–13; Он же. Еще раз о дорефор-

менной промышленности России (Ответ П.Г. Рындзюнскому) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Сер. обществ. наук. 1976. № 2. С. 19–33.

¹¹⁶ *Ионов И.Н.* Российская цивилизация... С. 202–206.

¹¹⁷ *Гросул В.Я.* Научный или “судебный” подход к истории? // Отечественная история. 2002. № 3. С. 19; *Бандура Ю.Н.* Вторая мировая: о какой войне идет речь // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 172–174; [*Никифоров Ю.А.*] Война и миф // Поиск. 2006. № 38 (904). 22 сентября. С. 14.

¹¹⁸ Курс отечественной истории IX–XX веков. С. 385–389

¹¹⁹ *Сталин И.В.* Соч. Т. 14. С. 290.